

То, что происходило в столице, до далёкого округа Лайчжоу дойти не могло. Обменявшись парой слов с Су Чжэнем, Фу Цанчжоу унял лёгкое волнение в груди и вернулся к разговору с духом копья Чанфэном, чтобы обсудить дела насущные — их совместные задачи.

Юноша решил поделиться опытом, который успел накопить за время выполнения первых поручений системы, и рассказать о правилах и принципах, которые выработал для себя.

Например, если дело касалось злобных тварей вроде речного бога Хэбо или Пяти бесов Утун, отнимающих человеческие жизни, раздумывать не следовало — их нужно было уничтожать на месте без малейших колебаний.

Если же происходило «покушение на преступление» или «причинение вреда по неосторожности», когда сложно с ходу определить меру наказания, то и ломать голову не стоило. Достаточно было схватить подозреваемого, спасти тех, кого ещё можно спасти, выплатить компенсацию пострадавшим и отправить отчёт о задании напрямую через зубной жетон.

У Книги жизни и смерти имелся собственный свод незыблемых законов. Получив весточку от своего «дочернего устройства», Цанчжоу как хранитель Книги выносил окончательный вердикт, вычеркивая или обводя имя нарушителя.

Был, однако, и особый случай.

Когда в бесчинствах оказывались замешаны исключительно люди — скажем, использовавшие тёмные проклятия или иные ухищрения нечестивых практиков для сотворения зла, — их чаще всего следовало судить по законам смертных. В таких ситуациях злодея можно было просто сдать в местную управу.

Фу Цанчжоу объяснял всё обстоятельно и подробно, раскладывая по полочкам каждую мелочь. Чанфэн слушал не менее сосредоточенно, запечатлевая в памяти каждое слово юноши.

Их кодекс пока оставался сырым и незавершённым. Предстояло выполнить ещё немало заданий, чтобы методом проб и ошибок выстроить по-настоящему стройную систему. Поэтому Цанчжоу излагал лишь общие ориентиры, не загоняя духа в жёсткие, незыблемые рамки.

В конце концов, при выполнении поручений главное — не преступать небесных запретов. Мелкие же огрехи всегда можно исправить или сгладить позже, ничего страшного в этом нет.

Да и предостерегал он Чанфэна скорее для проформы. На самом деле Цанчжоу ни капли не

сомневался в благоразумии духа копьа. Пусть тот порой и отличался излишней прямолинейностью, у него имелся внутренний стержень и чёткие моральные ориентиры. Это было прекрасно видно по тому, как по-разному он обошёлся с шайкой разбойников и Пятью бесами Утун.

Если говорить начистоту, один новоиспечённый и довольно неуклюжий повелитель призраков едва ли справлялся со своими обязанностями лучше и аккуратнее, чем этот дух.

При этой мысли Фу Цанчжоу негромко кашлянул, уязвлённый собственным простодушием. Достоинств у него водилось немного, но умение трезво оценивать себя определённо входило в их число. Он искренне старался учиться на своих ошибках.

Отгнав праздные думы, юноша достал несколько духовных камней, сердцевину нефритового побега и фарфоровый флакончик с кристальной эссенцией каменного молока.

— Это тебе, — произнёс он. Обычно прижимистый в мелочах, в важные моменты юный повелитель призраков не скупился. — Наш путь совершенствования требует неустанных трудов. Этого добра тебе должно хватить на приличный срок.

Он немного помолчал и добавил:

— Только с сердцевиной нефритового побега не торопись. Сила в нём сокрыта слишком буйная, если не сможешь её усвоить — переведёшь продукт почём зря. Для повседневных тренировок используй духовные камни и эссенцию. И оставь пару камней про запас, вдруг понадобится оживить бумажных человечков.

Дух копьа поначалу упрямылся, уверяя, что не заслужил столь щедрой награды. Однако Фу Цанчжоу настойчиво вложил сокровища ему в руки:

— Считаю, что это в долг. Будешь усердно выполнять поручения, накопишь монет преисподней, а там и выкупишь новые камни, чтобы вернуть мне.

Он прибег к этой уловке лишь для того, чтобы Чанфэн без лишних терзаний принял его заботу. Как первый верный соратник, дух копьа заслуживал особого отношения. К сожалению, сам Цанчжоу как предводитель был пока гол как сирота — у него не нашлось бы лишних средств даже на то, чтобы купить какое-нибудь снаряжение в Универмаге преисподней для поддержки своего подчинённого.

К счастью, Чанфэн являлся духом оружия. Ни один клинок или лук из лавки не подошёл бы ему лучше, чем его собственное истинное тело — копьё. Так что духовные камни и эссенция были для него куда полезнее любых артефактов.

Лишь после этих уговоров Чанфэн с явной нерешительностью принял дары.

Немного подумав, Фу Цанчжоу открыл системную панель и впервые воспользовался функцией перевода средств:

— Сто монет преисподней — это твоя законная плата за истребление Пяти бесов Утун. И ещё пятьдесят я даю тебе... тоже в долг. Если приглянется что-то полезное, купишь себе в Универмаге преисподней.

Он беспокоился о банальном пропитании духа. Насмотревшись на разного рода нечисть, Цанчжоу понял, что духи и призраки тоже испытывают голод, пусть им и не нужно садиться за стол трижды в день, как обычным людям.

Обычно они поглощают лунный свет или крупички природной энергии, но этого источника частенько не хватает, чтобы покрыть траты сил. Отсюда и вечный призрачный голод. Именно из-за него твари преисподней пожирают друг друга, а лесные бесы привлекают неосторожных путников, чтобы высосать их жизненную силу. Вся эта жуть творится ради одной простой цели — набить брюхо.

— Благодарю вас, господин, — на сей раз дух копья отказываться не стал.

Фу Цанчжоу выдавил слабую улыбку:

— Не за что.

«Помогаем друг другу, учимся новому, трудимся сообща — только так можно загрести побольше монет...» Ой, нет, вычеркнуть, вычеркнуть! «Трудимся ради поддержания небесного порядка и равновесия сил Инь и Ян во вселенной!»

Да, юноша не был совсем уж глупцом и постепенно начинал улавливать скрытый смысл существования Системы. Ему не казалось: невидимые весы, разделяющие мир живых и мир мёртвых в этом пространстве, пошатнулись.

Судя по событиям последних дней, чертовщина случалась всё чаще. Призраки, демоны и всякие твари лезли изо всех щелей, не давая покоя простым смертным.

Интуиция подсказывала, что добром это не кончится.

Глубинные причины происходящего пока оставались для него загадкой, но Цанчжоу не любил попусту забивать голову тревогами. Как говорят, придут враги — встретим их с оружием, разольётся вода — преградим ей путь землёй. Разберёмся по ходу дела.

Закончив с наставлениями, Фу Цанчжоу вышел из каюты на палубу и взглядом принялся искать Су Чжэня. Тот проявил чуткость: как только Цанчжоу заговорил с Чанфэном о делах, мужчина сразу же оставил их наедине.

От такой заботы на душе становилось тепло, пусть даже делиться тайнами Системы с братом Чжэнем по-прежнему не следовало.

— Мы сегодня никуда не плывём? — с любопытством спросил юноша, заметив, что часть матросов отдыхает, а другие сошли на берег.

Мужчина, до этого сосредоточенно всматривавшийся в речную гладь, обернулся ещё до того, как Цанчжоу подошёл ближе:

— Отчалим ближе к полудню.

— Что-то случилось? — обеспокоенно поинтересовался тот.

Су Чжэнь покачал головой и пояснил:

— Бесчинства Хэбо и Пяти бесов Утун унесли немало жизней не только из-за их тёмной мощи. Гораздо страшнее то, что им активно пособничали люди.

Фу Цанчжоу захлопал глазами:

— И что теперь?

— Я приказал разрушить святилища Хэбо и Пяти бесов Утун, — подробно объяснил мужчина.
— А прихвостней вроде семьи Фань, которые помогали губить невинных, взять под стражу и судить.

— Брат Чжэнь, ты обо всём подумал, — смутился Цанчжоу, машинально сжимая в руках небольшой круглый предмет и потирая пальцы. — А я-то решил, раз твари мертвы, то и дело с концом...

— Смертными делами должен заниматься закон смертных, — мягко ответил Су Чжэнь. — Это не твоя забота, Сяо Чжоу.

В теории всё так. Но...

Цанчжоу почувствовал неловкость:

— Брат Чжэнь, я принёс тебе столько хлопот в этой поездке.

— Это мой долг, — просто ответил тот.

В душе юноши разыграло любопытство. Теперь он точно знал, кем был брат Чжэнь — догадки подтвердились полностью. Перед ним стоял предводитель гвардии Хубэнь, тот самый «господин военный посланник», о котором упоминал дух копья. Но если гвардия Хубэнь охраняет покой императора, почему её воины суют нос в любые неурядицы по всей стране? Неужели они служат аналогом императорской тайной стражи?

Глаза Цанчжоу лукаво блеснули.

Решив немного подразнить собеседника, он с хитрой улыбкой позвал:

— Господин военный посланник?

Су Чжэнь слегка опешил и промолчал.

Юноша не унимался:

— Ваше Высочество принц Хэн?

Мужчина лишь молча смотрел на него спокойным взглядом.

Тогда Цанчжоу пустил в ход последний козырь:

— Главный чемпионский генерал?

Тут уж Су Чжэнь не выдержал. Он протянул руку и ласково потрепал юношу по волосам:

— Проказник.

От этого жеста у Фу Цанчжоу мурашки побежали по шее, он едва сдержал дрожь. «Ну и ну...» — пронеслось в голове. Брат Чжэнь был прекрасен во всём, но порой его манера выражаться лишала дара речи.

Не успел он съязвить в ответ, как со стороны кормы раздался нежный женский голос, заставивший его прикусить язык.

Обернувшись, юноша увидел Юй-нян, стоявшую в глубокой тени надстроек.

— Господин, — без лишних предисловий начала покойница. — Позвольте ли вы мне следовать за вами?

Такая просьба застала его врасплох:

— Отчего вдруг такое желание?

— У меня нет пристанища, — с мягкой улыбкой ответила она. — А рядом с вами я обречу покой. Ведь говорят же: «В тени раскидистого дерева прохладнее отдыхать».

Фу Цанчжоу почувствовал, что за этими речами скрывается нечто большее, чем простой поиск покровителя, и призадумался. В те дни, когда он ещё сомневался, удастся ли призвать Чанфэна в соратники, он подумывал о Юй-нян... Но тогда его остановили вполне обоснованные опасения.

Заметив его нерешительность, покойница поспешила заверить:

— Не беспокойтесь, господин. Я знаю своё место и никогда не стану для вас обузой, как не допущу и тени на ваше честное имя.

Цанчжоу покачал головой:

— Дело совсем не в этом. Если ты пойдёшь за мной, тебе придётся позабыть о покое. Более того, это смертельно опасно.

Поняв, что ей не отказали наотрез, Юй-нян облегчённо вздохнула и улыбнулась:

— Но даже если я останусь неприкаянным призраком, едва ли моя загробная доля будет спокойной.

В её словах крылась сермяжная правда. Цанчжоу заколебался.

Почуввав слабинку, девица запричитала ещё жалобнее:

— Я совсем одна в этом жестоком мире. Будьте милосердны, господин, примите меня под своё крыло!

У юноши поползли брови вверх. Как искусно она притворялась несчастной сироткой! Пусть её призрачная сила и казалась скромной, интуиция подсказывала Цанчжоу: окажись эта плутовка на улице одна, она сама кого угодно оставит без гроша и без штанов.

Он тихо вздохнул:

— Раз уж ты так тверда в своём решении, я не стану тебя прогонять. Но предупреждаю сразу:

став моим соратником, ты потеряешь прежнюю вольницу. Тебе придётся подчиняться строгим правилам.

Юй-нян кокетливо поправила выбившуюся прядь:

— Люди при жизни редко бывают вольны в своих поступках. С чего бы призракам радоваться безграничной свободе? Будьте спокойны, я всё взвесила.

Фу Цанчжоу оставалось лишь развести руками. Эта девица сыпала доводами так ловко, что спорить с ней было себе дороже.

«Если подумать, Чанфэн двух слов связать не может... Хм, а ведь из них получится отличный тандем. Они прекрасно уравновесят друг друга».

Эта мысль ему понравилась. Ещё раз убедившись, что Юй-нян не передумает, он произнёс:

— Хорошо. Но сперва я наложу на тебя печать ограничения. Спустя время я вручу тебе такой же зубной жетон, как у Чанфэна. Но если ты нарушишь запрет до этого срока, наши пути разойдутся навсегда.

Он высказался предельно прямо.

Юй-нян несколько не смутилась:

— Я готова, господин!

Цанчжоу даже растерялся от такой поспешности:

— И ты даже не спросишь, в чём суть запрета?

Какая поразительная беспечность! Юноша невольно засомневался, справится ли она с важными поручениями Системы. Может, стоило перенять опыт у своего виртуального помощника и умерить пыл девицы каким-нибудь вступительным испытанием или проверкой?

Юй-нян звонко рассмеялась:

— Вы — великий судья душ, вершащий людские судьбы. Зачем вам строить козни против бедного призрака? К чему пустые расспросы?

Фу Цанчжоу лишь мысленно вздохнул.

«Ну какой он судья душ? Система официально нарекла его повелителем призраков, прошедшим все круги стажировки и заслужившим этот чин!»

Впрочем, кричать об этом на каждом углу было бы верхом глупости. Пусть уж лучше зовут судьёй душ — звучит куда весомее и загадочнее.

Отгнав глупые мысли, юноша решительно протянул руку. На кончике его указательного пальца заплясал сгусток призрачного тёмного пламени.

Свет сжался в тонкую нить и мгновенно скользнул под рёбра девицы, запечатывая договор.

Этот запрет служил не столько кандалами, сколько щитом.

Призраки не знают законов морали и пожирают друг друга без зазрения совести. Но одно неверное движение — и безудержная жажда силы навлечёт на них кару небес, стирая саму сущность из бытия.

Раз уж он согласился принять Юй-нян, то желал уберечь её от этой участи. Он верил в её добрые намерения, но нрав у новоявленной соратницы был чересчур переменчивым и вольным. То, как она в порыве гнева сожрала речного бога Хэбо, доказывало это как нельзя лучше. Да, чудовище заслужило смерть, но сам факт поглощения чужой души нарушал вселенское равновесие. Подобное не должно повториться.

Наложение печати заняло всего мгновение.

Юй-нян прислушалась к своим ощущениям и с удивлением спросила:

— Хм, странно. Я не чувствую никаких оков.

Цанчжоу терпеливо пояснил:

— Пока ты не нарушаешь естественное течение жизни и смерти смертных и не забираешь невинные души ради забавы, эта печать никак себя не проявит.

Если бы у него водились лишние монеты преисподней, он бы сразу купил необходимые материалы в лавке и выковал для неё зубной жетон. Тогда и возиться с ручными заклинаниями не пришлось бы.

«Кстати... когда я научусь сам ковать эти жетоны, смогу ли я раздавать их кому захочу?»

Система выставила строгие требования лишь для первого соратника, ведь это было знаковое

событие. Будут ли последующие выборы зависеть исключительно от его прихоти, или же существуют иные скрытые правила?

Цанчжоу размышлял об этом, не зная, к какому выводу прийти.

Голос Юй-нян прервал его раздумья:

— Не волнуйтесь, господин. Я знаю, где проходит черта.

Юноша кивнул, решив больше не разглагольствовать. Они оба были взрослыми разумными существами, способными понять элементарные вещи без лишних нотаций.

Юй-нян быстро освоилась в новой роли:

— Каковы будут ваши первые приказания?

— Пока ничего срочного, — Фу Цанчжоу ненадолго замялся, подбирая слова. — Я бы хотел, чтобы вы работали в паре с Чанфэном. Твоя задача — помогать ему во всём. Что скажешь?

Их тандем казался безупречным. Дух копья и изворотливый призрак идеально дополняли друг друга. Вместе они справятся с любым делом куда быстрее, тем более что сейчас Книга жизни и смерти имела низкий уровень, и работы было немного.

Чанфэн без лишних слов склонил голову в знак согласия.

Юй-нян окинула его лукавым взглядом и сладко протянула:

— Воля господина — закон для меня.

Заметив этот многозначительный взгляд, Фу Цанчжоу на миг засомневался в правильности своего решения. «Юй-нян явно положила глаз на Чанфэна, да и к амурным делам она питает слабость... Не совершил ли я глупость?»

И предчувствия его не обманули. Очень скоро девица принялась всячески увиваться вокруг духа копья, бросая на него томные взгляды и нашептывая нежности. Вот только все её чары разбивались о непрошибаемую прямоу Чанфэна, отчего Юй-нян то и дело в бессильной злобе топала ножкой.

Молодой повелитель призраков лишь тихонько отвёл глаза.

«За Чанфэна можно не переживать — этот суровый воин не поддастся на уловки. А вот каково

придётся Юй-нян... Хотя бы у неё разум не помутился от такой безответной любви».

Впрочем, вмешиваться в амурные дела подчинённых он не собирался. Главное, что они не питали друг к другу вражды, а шуточные перепалки — дело житейское. Как говорится, милые бранятся — только тешатся.

Испустив глубокий, полный житейской мудрости вздох, Цанчжоу вернулся в каюту.

Он раскрыл Книгу жизни и смерти и принялся неторопливо изучать списки, где значилось около сотни имён. На душе было беспокойно.

С одной стороны, ему хотелось поскорее отправить Чанфэна на первое настоящее дело, дабы тот приноровился к своим обязанностям. С другой — появление новой задачи означало, что чья-то жизнь висит на волоске.

«Не стоит торопить события. Наша цель — спасти жизни и устранить искажения, а не гоняться за поручениями ради забавы. Отсутствие вестей — лучшая весть».

Приняв это решение, Цанчжоу вспомнил о честно заработанном очке характеристик за уничтожение Хэбо и бесов Утун. Не раздумывая ни секунды, он вложил его в улучшение Книги жизни и смерти.

В то же мгновение объём записей в Книге увеличился вдвое.

А в следующий миг юноша застыл в ошеломлении.

Среди вновь появившихся имён два внезапно вспыхнули тревожным багровым светом.

«Только подумал, что затишье — это к лучшему...»

Сбросив оцепенение, Фу Цанчжоу внимательно вчитался в строки с именами пострадавших.

Они оказались мужем и женой. Похоже, оба одновременно попали в беду из-за происков какой-то твари.

Изучив даты рождения и предначертанной смерти супругов Чжао, юноша изумился ещё сильнее.

Муж обладал телом Истинного Ян, а жена — телом Девяти Инь! Поистине редчайший союз, благословлённый небесами.

Но среди обычных смертных столь уникальное сочетание свойств крови и духа встречалось крайне редко и действовало на всякую нечисть как сочный кусок мяса на стаю голодных волков.

Не теряя драгоценного времени, Цанчжоу призвал Чанфэна и Юй-нян и вкратце обрисовал им положение дел.

Легко коснувшись пальцем светящихся имён супругов Чжао на страницах Книги, он перенаправил сведения о задании на зубной жетон духа копья.

— Оба супруга пока живы, но их силы на исходе, — напутствовал их Цанчжоу. — Сперва защитите их, а если останутся силы, схватите того, кто виновен в их бедах.

Дух и призрак слаженно поклонились:

— Будет исполнено!

Небо затянуло тяжёлыми тучами, обещая скорый снегопад. Такая погода играла им на руку: им не требовалось прибегать к помощи бумажных человечков для маскировки под живых людей, что уберегало от лишней неповоротливости.

Поскольку у Юй-нян пока не было собственного зубного жетона, она не могла принимать человеческий облик. Цанчжоу на скорую руку смастерил для неё простенького бумажного человечка из дешёвых материалов. Практической пользы от него было мало, но он мог удерживать внутри себя достаточное количество тёмной энергии Инь, служа для девицы временным убежищем, которое Чанфэн мог легко унести с собой.

В случае непредвиденной опасности Юй-нян могла просто нырнуть внутрь этой фигурки. С боевыми навыками Чанфэна даже встреча с грозным противником не сулила беды — пусть победить и не удастся, но скрыться они точно сумеют. Чанфэн просто подхватит бумажного человечка с девицей внутри и унесёт ноги.

Спустя миг соратники растворились в воздухе, покинув палубу корабля.

Фу Цанчжоу сощурился и в следующее мгновение бесшумно растаял следом за ними.

Он не сомневался в их способностях, но чувство долга хранителя Книги жизни и смерти не позволяло ему оставаться в стороне. Было бы безумием жертвовать невинными жизнями ради обыкновенной проверки преданности подчинённых.

К счастью, попавшие в беду супруги Чжао жили в небольшом поселении всего в двадцати ли от округа Лайчжоу. Для существ, давно лишившихся брэнной плоти, такое расстояние было сущим пустяком. Чанфэн мчался столь стремительно, что юный повелитель призраков едва

поспевал за ним.

Когда Цанчжоу наконец добрался до усадьбы семьи Чжао, дух копья уже всюду сражался с неизвестным врагом.

И дело было вовсе не в безрассудстве Чанфэна — они успели в самый последний момент, застав негодяя на месте преступления.

К удивлению Цанчжоу, нападавшим оказался человек.

Да непростой, а нечестивый заклинатель — коварный тёмный практик.

Увидев, как Чанфэн сокрушительными ударами заставляет врага харкать кровью, Цанчжоу успокоился. Его помощь здесь явно не требовалась.

Юноша скрылся в складках пространства, решив не выдавать своего присутствия соратникам.

Приблизившись к забившимся в угол перепуганным супругам Чжао, Фу Цанчжоу внимательно всмотрелся в их лица и прислушался к току их жизненной силы. В груди у него потеплело от облегчения.

На сей раз они успели вовремя.

Нечестивый практик собирался использовать уникальные тела супругов ради тёмного поглощения энергии — двойного совершенствования.

Для Чжао это стало одновременно проклятием и благословением. Их редкие качества привлекли злодея, но для полного извлечения пользы из такого союза требовалось дожидаться благоприятного часа по лунному календарю. Поэтому, находясь под замком, они потеряли лишь немного крови и жизненных сил. Немного целебных снадобий и покой быстро поставят их на ноги.

Цанчжоу мысленно похвалил себя за своевременное улучшение Книги жизни и смерти. Опоздай они на полдня, и несчастных постигла бы ужасная участь. Даже уцелели они чудом, тёмное поглощение лишило бы их жизненной силы, урезав отпущенный небесами век наполовину. А главное — после столь жестокого надругательства над их душами и телами, смогли бы они когда-нибудь вернуть прежнее счастье? Женщина с гордым нравом наверняка предпочла бы петлю такому позору.

Юный повелитель призраков слегка шевельнул пальцами, накладывая на измученных страхом супругов мягкое усыпляющее заклятие. Пусть отдохнут в глубоком, безмятежном сне.

Тем временем на другом конце двора поверженный нечестивый практик, избитый до полусмерти, захлёбывался яростным криком:

— Что за призрачные твари посмели поднять руку на меня?!

Чанфэн по своему обыкновению не тратил слов попусту. Каждое возражение противника он пресекал сокрушительным ударом, пока тот окончательно не распластался на земле.

Сплюнув кровь вместе с парой выбитых зубов, тёмный заклинатель взмолился:

— Сжальтесь... Не бейте больше! Вы хоть знаете, на кого покусились?!

Юй-нян кокетливо прикрыла рот ладошкой и со смехом спросила:

— И кто же ты у нас такой, любезный?

Чанфэн наконец убрал оружие. Если продолжить экзекуцию, этот хлипкий человечиска испустит дух прямо здесь. В искусстве допроса воин искушён не был, потому предпочёл молча наблюдать, предоставив слово девице.

Шепелявя из-за отсутствия зубов, пленник процедил:

— Я — личный ученик Бессмертного Чисяо из ордена Юаньи!

— Ордена Юаньи? — переспросила она.

Тёмный практик попытался напустить на себя грозный вид:

— Раз уж вам ведома моя славная школа, немедленно уберите с меня свою ногу!

Тяжёлый сапог Чанфэна по-прежнему упирался ему в грудь, не позволяя вздохнуть.

Юй-нян ослепительно улыбнулась:

— Какая жалость. О вашем великом ордене Юаньи я и ухом не слыхивала. — Она повернулась к соратнику: — А ты, Чанфэн, знаешь таких?

Воин хмуро качнул головой:

— Никогда не слышал.

От такого пренебрежения злодей зашёлся в бессильном кашле, вновь сплёвывая кровь.

Фу Цанчжоу из своего укрытия довольно кивнул. Да, решение объединить этих двоих было поистине гениальным.

Затем его взгляд сосредоточился на пленнике. Впервые ему довелось столкнуться с настоящим заклинателем из числа смертных.

Название «орден Юань» ни о чём ему не говорило. Едва ли это была обычная школа боевых искусств — во время их пребывания в Поместье Поющих Ив брат Чжэнь подробно описал ему все мало-мальски значимые кланы Поднебесной.

Неужели в этом мире существуют тайные обители бессмертных заклинателей?

На мгновение его душу сковал лёгкий страх. Но, посмотрев на жалкий вид поверженного врага, Цанчжоу отбросил сомнения. Какая разница, к какому тайному ордену принадлежит этот негодяй? Он сотворил зло и перешёл дорогу повелителю призраков, а значит, понесёт заслуженное наказание по всей строгости закона преисподней.

Под вкрадчивыми уговорами Юй-нян и тяжёлым кулаком Чанфэна нечестивец по имени Цю Ингуан быстро растерял всю спесь и выложил свои грязные тайны. Соврать ему не удалось бы при всём желании. Проведя лучшие годы в весёлых кварталах, Юй-нян прекрасно разбиралась в людях и замечала малейшую фальшь в его словах.

Вскоре выяснилось, что этот хвостун, именовавший себя любимым учеником Бессмертного Чисяо, на деле оказался бесславным изгнанником и предателем своего ордена.

В погоне за быстрым ростом сил он когда-то ступил на стезю тьмы. Узнав об этом, разгневанный наставник лишил предателя духовных каналов и с позором выставил за ворота школы. Цю Ингуан давно бы сгнил в безвестности от старых ран, если бы случайно не наткнулся на одну запретную технику.

— Благовоние духовного согласия? — Юй-нян задумчиво накрутила локон на палец. — Так это твоих рук дело?

Она повернулась к Чанфэну:

— Кажется, наш господин как раз искал того, кто распространял эту отраву.

Дух копья кивнул:

— Отведём его к господину. Пусть сам решает его судьбу.

Фу Цанчжоу не верил своим глазам. Как говорится, истоптал железные башмаки в тщетных поисках, а нашёл без малейшего труда!

Он полагал, что разгадать тайну этого благовоения будет куда сложнее. Он даже подозревал, что создатель отравы как-то связан с заговорщиками, покушавшимися на жизнь брата Чжэня.

Этого проходимца определённо следовало расспросить с особым пристрастием.

Убедившись, что его соратники собираются увести пленника, Цанчжоу поспешил незаметно покинуть усадьбу Чжао. Перед уходом он оставил в доме супругов два превосходных персиковых амулета изгнания зла. Эти артефакты не только помогут несчастным поскорее восстановить истощённые силы, но и надёжно скроют их редкие физические свойства от взоров иных колдунов и призраков.

Чанфэн доставил пленника на корабль. Фу Цанчжоу заранее поведал обо всём Су Чжэню и, отбросив излишнюю скромность, выпросил у него в помощь Линцина — одного из Детей семи светил, непревзойдённого мастера допросов.

Всю правду о благовоении духовного согласия Юй-нян вытянула из пленника ещё в доме Чжао. Как и предполагал Цанчжоу, Цю Ингуан обладал весьма посредственными способностями. Не имея сил для честного поединка, он действовал исподтишка, похищая души смертных с помощью хитрых ядов. Ему удалось провернуть это злодеяние несколько раз, пока он не натолкнулся на Чжун Сю.

Тот по нелепой случайности проглотил дочернего червя — паразита Пожирающего богов гу. Положение Чжун Сю оставалось незавидным, и Цанчжоу до сих пор не знал, как распутать узел, связавший его душу с душой дочери семьи Бай. Однако это происшествие принесло неожиданные плоды: гибель дочернего паразита вызвала сильнейшую отдачу в теле материнского червя, нанеся Цю Ингуану сокрушительный удар.

Его внутренние органы были разорваны, а старые раны, оставленные когда-то Бессмертным Чисяо, воспалились с новой силой. Лишившись возможности исцелиться обычными методами, нечестивец решился на отчаянный шаг — похитить супругов с редчайшими телами Истинного Ян и Девяти Инь, дабы залечить свои каналы за их счёт.

Выслушав эту историю, Фу Цанчжоу лишь покачал головой. Алчность этого человека в конечном счёте и привела его к неминуемой гибели.

Впрочем, Линцина привлекли к допросу ради другой цели — выяснить, не был ли этот тёмный практик причастен к созданию ивового духа в поместье Поющих Ив. Чтобы обезопасить Линцина от возможных проклятий колдуна, Цанчжоу первым делом полностью разрушил остатки его духовного ядра.

Лишившись последних сил и пройдя через изощрённые пытки гвардейца, Цю Ингуан взмолился о пощаде и принялся торопливо выкладывать всё, что успел совершить за свою никчёмную жизнь.

Рассказ негодяя вызвал у Цанчжоу лишь глубокое отвращение — такие люди не заслуживали даже быстрого избавления от мук. К счастью или к сожалению, этот тёмный практик не имел никакого отношения к заговорщикам, покушавшимся на Су Чжэня.

Но одна деталь не давала юноше покоя.

— Секретная техника, позволяющая восстановить разрушенные каналы, просто так валялась в неизвестной пещере? — тихо пробормотал он. Всё это подозрительно напоминало чью-то умелую ловушку.

Он мысленно отметил для себя координаты таинственного грота. Увы, то место находилось слишком далеко — далеко к северу от границ государства Сянь.

Пока о далёком походе не стоило и мечтать. Из слов пленного следовало, что все найденные в пещере тёмные артефакты он уже унёс с собой.

Позже Цанчжоу лично расспросил его о количестве проданного благовония духовного согласия и способах нейтрализации Пожирающего богов гу. Помимо этих насущных вопросов, юноше было чертовски любопытно узнать, как именно тренируются здешние заклинатели.

Однако Цю Ингуан не смог внятно описать путь истинного самосовершенствования. Судя по его пренебрежительному тону, праведные методы его учителя, Бессмертного Чисяо, казались ему скучными и бесполезными.

Цанчжоу уяснил лишь то, что орден Юаньши специализировался на создании талисманов и искусстве врачевания. Всё это выглядело далеко не так грандиозно, как рисовало его воображение. Большинство адептов этого учения были обычными лекарями и экзорцистами, которые порой рисковали жизнью в стычках со слабейшими духами.

— Мне доводилось слышать имя Бессмертного Чисяо, — негромко произнес Су Чжэнь.

Цанчжоу мгновенно оживился:

— Брат Чжэнь, расскажи скорее!

Мужчина поведал, что слава этого мастера гремела около десяти лет назад. Поговаривали, будто он способен зрить предначертанное небесами и читать чужие судьбы. Но те, кому довелось общаться с ним лично, утверждали, что его истинное величие крылось лишь в непревзойдённом искусстве врачевания и начертания священных знаков. Никаких иных чудес

он не демонстрировал.

— А в последние годы о нём и вовсе ничего не слышно, — добавил Су Чжэнь. — Многие полагают, что его уже нет в живых.

Фу Цанчжоу с грустью вздохнул. Ему очень хотелось встретиться со столь выдающимся мастером, но надежды таяли на глазах.

Когда они вновь обратились к пленнику, тот лишь развёл руками. Перед изгнанием старейшины ордена стёрли из его памяти все ключевые тайны школы. Он не имел ни малейшего представления о том, где скрывается орден Юань и жив ли его бывший учитель.

«Стирать память выборочно? Хм, этот Бессмертный Чисяо определённо владел недюжинными техниками».

Поразмыслив, Цанчжоу решил оставить эти поиски. Если судьбе угодно, их пути ещё пересекутся.

Сейчас следовало решить, как поступить со злодеем. Можно было бы отдать его в руки императорских судей, но, опасаясь скрытых уловок колдуна, Цанчжоу решил вынести приговор самостоятельно.

Он повернулся к брату Чжэню:

— Какое наказание грозит ему по законам государства Юй за столь тяжкие преступления?

Мужчина ответил со всей прямоотой:

— Смертная казнь через тысячу порезов.

У юноши перехватило дыхание. Он сухо откашлялся. Одно дело — истреблять чудовищ из преисподней, и совсем другое — заживо резать человека на куски. Сердце бы его не выдержало столь кровавого зрелища. Пусть он и научился без колебаний стирать злобных тварей, в глубине души он оставался обычным юношей из плоти и крови.

Он достал Книгу жизни и смерти и вписал туда имя грешника.

Затем, слегка сосредоточившись, Фу Цанчжоу впервые применил технику вычеркивания имени.

Жалкий крик Цю Ингуана оборвался на полуслове. Его тело на глазах превратилось в груды

иссушенных белых костей, которые в то же мгновение рассыпались серым пеплом.

Его дух и плоть были стёрты из самого полотна мироздания — абсолютно и безвозвратно.

Глядя на пустой пол, Цанчжоу ощутил лёгкий трепет. Сила Книги жизни и смерти воистину пугала. Но, вспомнив обо всех загубленных этим подлецом душах, юноша решил, что тот отделался слишком легко. Существой на самом деле восемьдесят один круг ада, он бы с удовольствием заставил этого мерзавца пройти каждый из них, прежде чем лишиться бытия.

Отбросив праздные мысли, юный повелитель призраков перевёл взгляд на светящийся экран Системы. На его панель управления пришёл подробный отчёт от зубного жетона Чанфэна. Первое самостоятельное задание соратника увенчалось успехом.

С момента активации первого жетона в меню Системы появился новый раздел — управление подчинёнными.

Изучив отчёт, Цанчжоу перешёл к начислению награды. Он не мог самолично определять точную сумму выплат, но имел право выставить оценку проделанной работе. На основе этого балла Система сама рассчитывала вознаграждение.

Юноша не стал скряжничать и без колебаний поставил Чанфэну наивысший балл.

На жетон воина мгновенно пришло уведомление о зачислении двухсот монет преисподней — за первый выполненный долг Система расщедрилась на двойную награду.

Цанчжоу невольно сглотнул слюну от лёгкой зависти.

С учётом того скромного перевода, что он сделал ранее, сбережения его слуги теперь превышали его собственные накопления. Пожалуй, в истории трёх миров ещё не было столь бедствующего повелителя призраков.

Словно почувствовав замешательство господина, Чанфэн тут же вернул одолженные ему пятьдесят монет преисподней.

Юноша попытался отказаться, но воин почтительно настоял на своём, заверив, что оставшегося богатства ему хватит с лихвой.

Поразмыслив, Цанчжоу согласился. С учётом подаренных духовных камней единственной тратой духа оставалось пропитание, так что денег действительно было достаточно. А редкие артефакты из Универмага преисподней всё равно стоили заоблачно дорого, и лишний десяток монет погоды бы не сделал.

Он позвал Юй-нян и выделил ей порцию кристальной эссенции каменного молока, чтобы поддержать её развитие. У него было всего двое верных соратников, и он обязан был заботиться о них.

Более того, во время совместных медитаций Цанчжоу кропотливо подбирал подходящие техники и обучал их правильному ведению боя и циркуляции энергии. Чем сильнее станут его помощники, тем легче ему самому будет справляться с грядущими бурями.

Из-за происшествия с тёмным практиком судно пришлось задержаться в Лайчжоу ещё на день.

Фу Цанчжоу уже не находил слов, дабы выразить свои извинения брату Чжэню за постоянные задержки.

Погода окончательно испортилась: два дня лил ледяной дождь со снегом, из-за чего судно двигалось черепашим шагом. Лишь к двадцать девятому числу они сумели преодолеть пределы Северного тракта Пинху.

Корабль пришвартовался у берегов округа Цинчжоу, граничившего с округом Цзяньань.

— Мы... больше никуда не плывём? — спросил Цанчжоу, пряча лицо в ладонях. — Нам ведь осталось всего пара сотен ли до столицы?

Он прекрасно понимал, что в такую непогоду преодолеть это расстояние за сутки невозможно даже при всём желании.

— Встретим Праздник весны здесь, в Цинчжоу, — мягко произнёс Су Чжэнь. — А в столицу вернёмся уже в новом году.

Цанчжоу неловко потер кончик носа:

— Это не нарушит твои планы?

— Ничуть, — успокоил его мужчина.

Услышав это, юноша оставил попытки извиняться. Против обстоятельств не попрёшь. Если только он не примет свой истинный облик повелителя призраков, добраться до столицы до наступления праздника не получится. Но в нынешнем состоянии он не мог поднять в воздух взрослого человека и нести его на сотни ли.

Пока они беседовали, их экипаж подъехал к воротам великолепного, но оформленного со вкусом загородного поместья.

Су Чжэнь упомянул, что это его личная усадьба.

Цанчжоу лишь диву давался: казалось, владения брата Чжэня тянулись непрерывной цепочкой вдоль всей реки Линьцзян!

Прогуливаясь по мощёным дорожкам сада, он поймал себя на мысли, что убранство этого места разительно отличалось от привычного лаконичного стиля Су Чжэня.

— Фу Цанчжоу? — раздался тихий, удивлённый голос позади.

Юноша обернулся и в замешательстве застыл перед незнакомцем:

— Простите, а вы?..

Перед ним стоял зрелый мужчина. Благодаря ухоженному виду ему можно было дать немногим больше тридцати. Обыкновенные, на первый взгляд, черты лица преобразала величественная осанка и властный взгляд человека, привыкшего повелевать.

Баоцзин склонился в глубоком поклоне и почтительно произнёс:

— Приветствую вас, господин.

Этим обращением он пытался намекнуть Цанчжоу на статус незнакомца.

Увы, сообразительности юноше в тот миг не хватило. Услышав слово «господин», он прикинул возраст мужчины и, видя, что тот молча изучает его взглядом, нерешительно произнёс:

— Уважаемый дядюшка...

Брови незнакомца гневно поползли к переносице:

— Какой ещё дядюшка? Зови меня старшим братом!

Фу Цанчжоу лишился дара речи.

«И кто это у нас тут выискался? Набивается в родственники средь бела дня...»

<http://bllate.org/book/19708/2001273>